

Взор Лансюэ-цзюня, отрешенный от мирской суеты, казался исполненным ледящего холода. Но если присмотреться, в этой стуже читалось лишь полное безразличие к окружающему.

Он замер прямо перед Чи Шэном.

Мощная, морозная аура накрыла юношу с головой; вторая нога Чи Шэна едва не подкосилась, готовая преклониться перед этим величием против его воли.

— Что за существо вы приволокли? — спросил Лансюэ-цзюнь.

Его голос оказался еще холоднее, чем он сам: если во взгляде сквозило лишь равнодушие, то в тоне звучала явственная угроза.

Чи Шэн вздрогнул от испуга, и слова сами сорвались с его губ:

— Фэйсянь...

В воздухе повисла звенящая тишина. Все присутствующие оцепенели, и даже этот человек, чья аура давила на плечи непомерным грузом, на мгновение замер в растерянности.

Линь Фэйсянь — это было личное имя Лансюэ-цзюня. Даже великие старейшины ордена не осмеливались называть его так прямо и фамильярно.

Первым молчание нарушил Ли Ло. Сквозь охватившее его сомнение он переспросил:

— Малыш Чи Шэн... Что ты сказал? Повтори-ка еще раз.

Чи Шэн едва не прикусил язык. Это имя вырвалось подсознательно, словно утиное кряканье в момент опасности; он и сам не понимал, почему произнес его.

Ежась под пронзительным взглядом Линь Фэйсяня, Чи Шэн задрожал и медленно, запинаясь, выдавил:

— Фэй сянь... Летящий небожитель...

Все разом выдохнули с облегчением. Видимо, этот мелкий демон настолько невежественен, что лишился дара речи, будучи ослеплённым благородным обликом их наставника.

«И впрямь — летящий небожитель».

Линь Фэйсянь с бесстрастным лицом оглядел Чи Шэна и внезапно протянул к нему руку.

Сердце Чи Шэна едва не выпрыгнуло из груди. Он увидел, как его пальцы согнулись в когтеобразном жесте, и футляр для циня, который юноша прижимал к себе, вдруг вырвался и взмыл в воздух, притянутый неведомой силой.

Верховный старейшина не коснулся артефакта — он удерживал его на весу лишь с помощью своей духовной энергии.

Неловкую паузу между ними прервал тяжелый гул и грохот. Земля под их ногами яростно содрогнулась. Чи Шэн, не удержав равновесия, подался вперед и — с безупречной точностью — вцепился в его ногу.

На открытом месте перед ущельем, зажатым между двумя величественными горами, медленно поднялся бронзовый помост. Участок земли, в который ранее был вонзен меч Сюэ Ша, стал центром этого сооружения. По краям были вырезаны иероглифы, расположенные на равных интервалах, от которых к центру тянулись тонкие линии. Весь помост напоминал гигантские солнечные часы.

— Отпусти, — бросил он.

Два слова, холодные, как падающий снег. Чи Шэн поспешно разжал руки и отступил в сторону, чувствуя, как пылают его щеки.

Ли Ло и Ли Сюнь осторожно подошли к наставнику.

Символы по краям соответствовали двенадцати земным ветвям: Цзы, Чжоу, Инь, Мао, Чэнь, Сы, У, Вэй, Шэнь, Юй, Сюй, Хай.

Каменный массив, скрывающий выход из гор, пробудился под воздействием ци меча Сюэ Ша.

Скунс Юнь Нин всё еще был пригвожден Сюэ Ша к центральному оку бронзового помоста. Столкнувшись с такой переменной, он окончательно растерял остатки храбрости, испугавшись, что его в самом деле принесут в жертву ради активации массива. С учётом нрава Лансюэ-цзюня, подобное было вполне возможно.

Он завыл на всю округу:

— Лансюэ-цзюнь! Спасите меня! Я виноват! Больше никогда не сбегу! Умоляю вас...

Среди адептов Даньлин не было никого, кто не трепетал бы перед мечом Сюэ Ша. Выкованный из небесного инея, он воплощал в себе мощь вечного холода и был истинным проклятием для

всех демонов. Острие пронзило лишь хвост Юнь Нина, но леденящая стужа уже просачивалась в самую его суть, сковывая кости и плоть.

Чи Шэн непроизвольно содрогнулся. Эти крики были слишком отчаянными, полными запредельного страдания. Совсем недавно этот скунс вел себя иначе, но теперь... Лансюэ-цзюнь и впрямь был ужасен.

Сюэ Ша, испуская призрачно-белое сияние, с тихим гулом сорвался с места и вернулся в руку Линь Фэйсяня. Юнь Нин, чувствуя себя вновь рожденным, кубарем скатился с помоста, но лишь для того, чтобы тот тут же запер его в магическую клетку.

Чи Шэн не успел толком рассмотреть меч, как холодное лезвие уже коснулось его шеи.

— Кто ты такой, раз смог голыми руками поднять артефакт, венчающий око массива? — ледяным тоном спросил Линь Фэйсянь.

Чи Шэн, не в силах оторвать взгляда от кончика меча, впал в ступор. Его язык заплетался:

— Я... я просто утка...

Лезвие придвинулось еще на цунь ближе, и голос старейшины стал еще жестче:

— Ты издеваешься надо мной?

— Наставник, он говорит правду, — поспешил вмешаться Ли Ло. — Это всего лишь селезень-демон, который по ошибке проглотил ядро Духа Пурпурного Паука, оттого он и кажется необычным...

Чи Шэн во все глаза смотрел на Линь Фэйсяня. Разрез его глаз был четким и глубоким, а взгляд напоминал холодный источник — пугающе прекрасный, почти нереальный.

Линь Фэйсянь холодно фыркнул и убрал меч.

— Глуп и недотёпа, — бросил он с явным пренебрежением. — Подумать только, такой смог поглотить чужое ядро.

Чи Шэн промолчал. Кажется, он вызвал у Верховного старейшины лишь отвращение.

Пока он переживал эту неловкость, кто-то из адептов внезапно указал на склоны:

— Смотрите! На скалах появились знаки!

Все отвлеклись от Чи Шэна и бронзового помоста. На стенах ущелья медленно проступали золотые письмена, вырезанные твердой, уверенной рукой — в каждом штрихе чувствовалась необузданная сила.

Слева гласило: «Цветы летят, играют струны»;

Справа вторило: «С тобой вдвоем — навек, доньше».

Как только проявились эти восемь знаков, деревянная крышка футляра в руках Линь Фэйсяня медленно открылась. Древняя сэ, словно притянутая невидимой нитью, поплыла к центру массива.

Чи Шэн не смотрел на инструмент. Его взор был прикован к надписи.

Странно.

Несмотря на то, что он впервые оказался в этом месте, эти восемь слов отозвались в нем необъяснимым чувством узнавания. Придя в себя, он заметил, что Лансюэ-цзюнь стоит рядом и тоже сосредоточенно изучает строки.

Взгляд старейшины казался еще более отрешенным, чем у самого Чи Шэна, поэтому юноша не решился его беспокоить.

Пожалуй, за великой радостью узнавания последовало еще большее разочарование. На душе у Чи Шэна было беспокойно. Хотя Линь Фэйсянь лицом походил на его спасителя как две капли воды, во всем остальном он разительно отличался от того юноши из воспоминаний.

Чи Шэн помнил отчетливо: улыбка того мальчугана была нежной и теплой. Повзрослев, он должен был стать похожим на Ли Ло — мягким в общении, с вечно лучащимися глазами. Но никак не превратиться в ледяную глыбу с застывшим взором.

Когда Линь Фэйсянь наконец отвел взгляд от скал, Чи Шэн улучил момент:

— Почтенный...

Линь Фэйсянь посмотрел на него.

— Простите... — Чи Шэн старательно подбирал слова. — Вы в детстве... не спасали ли случайно утенка?

Собеседник лишь равнодушно отвел глаза и пошел прочь, не удосужив его даже звуком.

Чи Шэн замер.

До этого момента Линь Фэйсянь сказал ему всего три фразы: первую — приказ, вторую — допрос, третью — выражение презрения. На четвертый раз он и вовсе проигнорировал его присутствие. Чи Шэн заподозрил, что если заговорит снова, тот на него даже не взглянет.

Пока он пребывал в раздумьях, дождь внезапно прекратился. Тучи разошлись, обнажив чистое лазурное небо и ослепительное солнце, которое мгновенно принялось испарять влагу с земли. В то же мгновение раздался чистый, вибрирующий звук струны.

Все внимание тут же переключилось на источник звука.

Ли Сюнь разразился руганью:

— Идиоты! Кто разрешил вам трогать сэ?!

На бронзовом помосте застыли двое любопытных адептов, которых отбросило на несколько метров мощным резонансом. Они не ожидали таких последствий и теперь лишь виновато тупились под градом упреков.

Линь Фэйсянь подошел к краю массива и коснулся ладонью земли. Почва была сухой, ни намёка на недавнюю слякоть.

Это было в высшей степени необычно.

— Древняя сэ, погода и механизм каменного массива неразрывно связаны, — ледяным тоном произнес Линь Фэйсянь. — Сами на смерть напрашиваетесь, дергая за око массива?

В голосе Лансюэ-цзюня не было гнева, но от его смертоносного холода по коже пробежал мороз — неудивительно, что адепты его так боялись.

— Сэ...? — пробормотал Ли Ло. — Я по скудоумию своему принял её за цинь.

— Ты не из Зала Музыка, тебе простительно не знать отличий, — ответил Линь Фэйсянь. — Цинь и сэ схожи формой, но у сэ обычно двадцать пять струн. Струны разной толщины, и под каждой стоит своя подставка — чжу. Настраивается она по пентатонике.

Он вывел адептов из гор, чтобы дать им опыт охоты на демонов, и теперь использовал возникшие трудности как повод для наставления. Однако его прервал жуткий, завывающий хохот. Неизвестно откуда на прежде чистом небе возникли плотные сгустки демонической ци. Они сплетались в огромную черную массу, которая давила на землю не хуже грозовой тучи.

Ли Сюнь мгновенно обнажил меч:

— Те облака, что кружили над нами в вышине! Это призраки!

Бесплотные тени заскользили среди людей. Зловещий смех раздавался прямо над ухом. Несмотря на отсутствие физических тел, эти сущности с зияющими глазницами и оскаленными пастьями были крайне опасны. Ли Сюнь попытался поразить одну из них мечом, но клинок прошел насквозь — обычное оружие было бессильно против призраков, оно могло лишь сдерживать их.

— Наставник! Что нам делать?! — крикнул Ли Сюнь.

Сюэ Ша покинул ножны. В руках Линь Фэйсяня меч расчертил воздух ледяными росчерками, разрывая темную мглу. Верховный старейшина нахмурился:

— Ли Ло, веди адептов Зала Музыки к сэ. Разберитесь с механизмом.

Адепты Зала Музыки совершенствовались свою ци через музыку, владея двенадцатью ступенями хроматического звукоряда и пятью основными тонами. Но сэ была слишком редким инструментом, в ордене ей почти никто не обучался. Они в растерянности переглядывались.

С одной стороны кипел яростный бой, воздух звенел от ударов стали, а с другой воцарилась мертвая тишина. Семь человек столпились у инструмента, и кто-то из них проворчал:

— Кто бы мог подумать, что те тучи — призраки! Выходит, они следили за нами с самого входа в горы?

Пока остальные шумели, Чи Шэн, стоявший перед сэ, поднял голову. Он кое-что понял.

— Когда вы вошли в горы, небо было ясным? — спросил он. — Дождь начался сразу после того, как вы миновали вход?

Адепты закивали, удивленные его догадливостью.

Чи Шэн знал, что в его родной Долине Бабочек всегда светило солнце. Долина и эти горы принадлежали одной горной цепи, и по логике вещей, за её пределами тоже должно было быть ясно. Однако всё вышло иначе — дождь лил несколько дней подряд. Факт налицо: игра на струнах меняет погоду, и приход чужаков тоже меняет погоду. Значит, вход в массив, игра на сэ и природные явления — звенья одной цепи. Нужно лишь найти закономерность.

Пока все ломали голову, Линь Фэйсянь, отбиваясь от теней, отступил к помосту.

— На бронзовом столе есть надписи, — бросил он Чи Шэну.

Адепты, сосредоточившись на сэ, совсем забыли о каменном основании под ногами.

— Какие надписи? Опять двенадцать земных ветвей?

— Не только. — Линь Фэйсянь указал под ноги. В центре помоста, окруженные двенадцатью ветвями, виднелись еще две строки.

Все принялись их разбирать. Он медленно прочел:

— Техника Пяти Элементов: по кругу — жизнь, в обратном — смерть.

Металл, Дерево, Вода, Огонь и Земля — Пять Элементов, основа теории о сотворении мира в пути бессмертных. Когда небо и земля были единым хаосом, без светил и череды времен, лишь поток изначальной ци, вращаясь, породил эти элементы. Позже они стали основой для совершенствования духовных корней.

Один из адептов Зала Музыки просиял от радости и едва не пустился в пляс.

— Помню! — воскликнул он. — Один из наставников говорил, что если соединить музыку и стихии, можно достичь невероятных высот! В нашем Зале пять тонов — Гун, Шан, Цзюэ, Чжи, Юй — соотносятся со стихиями Земли, Металла, Дерева, Огня и Воды! А двенадцать ветвей соответствуют двенадцати законам ритма!

Линь Фэйсянь кивнул с абсолютным спокойствием, и воодушевление адепта тут же угасло.

Ли Ло внезапно осенило. Он ударил кулаком по ладони:

— Пять элементов порождают и подавляют друг друга! По кругу — жизнь, наперекор — гибель. Возможно, когда мы входили, наше движение совпало с созидательным циклом, а когда тот ученик нечаянно задел струну, возник цикл подавления, и на нас напали эти призраки!

Линь Фэйсянь, который до этого лишь кивал, на этот раз одобрительно произнес:

— Именно так.

Предыдущий адепт расстроился еще сильнее.

Чи Шэн мысленно посочувствовал бедолаге.

Линь Фэйсянь перевел взгляд на беснующихся в небе тени.

— Дождь — это Вода. Солнце — Огонь, — бесстрастно пояснил он. — Вода подавляет Огонь, превращая ясный день в ливень. Мы вошли через стихию Воды, что было созидательным путем. Теперь же дождь сменился солнцем — Огонь испаряет Воду, что есть цикл подавления. Пяти тонам соответствуют пять стихий. Тот звук, что извлек адепт, был нотой Чжи, соответствующей Огню.

Чи Шэн впервые слышал, чтобы этот человек говорил так много за один раз. Когда он не отчитывал других, его голос звучал чисто и мелодично, напоминая перестук капель воды о драгоценный нефрит. Чи Шэн попытался сравнить этот голос с тем, что слышал в детстве, но обнаружил, что старое воспоминание почти стерлось.

— Сейчас сияет солнце, это стихия Огня, — подхватил Ли Ло. — Чтобы вернуться на созидательный путь, мы должны вновь войти в стихию Воды и вернуть прежний дождь. Нужно сыграть ноту Цзюэ!

Все обрадовались, но тут же столкнулись с новой бедой: любого, кто пытался коснуться сэ, отбрасывало защитное поле. Лишь один человек мог дотронуться до инструмента.

Чи Шэн поджал губы и, видя растерянные лица адептов, негромко произнес:

— Я... я могу попробовать.

<http://bllate.org/book/17515/1648693>